Диету не предлагать

Автор:
Надежда Мамаева

Диету не предлагать

Надежда Николаевна Мамаева

Женские приметы:

Если решила похудеть – это к переменам в жизни.

Если застукала своего жениха в постели с другой – это к новому знакомству.

Если засиделась за рюмкой чая с любовницей бывшего – это к приключениям.

А уж если отправилась в оные приключения – то это к любви. И плевать уже на приметы и то, что говорят звезды. Хотя не совсем. На одну звезду имеется конкретный план: держаться подальше. Вот только удастся ли?

История о любви к еде, музыке и жизни.

Надежда Мамаева

Диету не предлагать

Пролог

Макс с раздражением отбросил планшет. За одну ночь под опубликованным вчера постом в соцсети – уже тонна комментариев, в которых стоны, жалобы, несколько угроз суицида и даже три признания в тайной беременности. Хотя к последним он, Макс, точно отношения не имел. Никакого. Ну, разве что зачатие могло происходить под музыку «Похитителей ночи».

Волна возмущения поднялась после того, как были отменены несколько концертов группы. А все потому, что Дэн, сволочь, сломал руку. И вот теперь Макс, как фронтмен, имел толпу возмущенных фанатов, претензии от организаторов и головную боль. А барабанщик – всего лишь гипс. Как-то не справедливо. Пусть бы этому разгильдяю достался хотя бы еще один супербонус из тех, что он, Макс, успел огрести за последние сутки… Ну, например, полчаса матюгов в скайпе от продюсера. Но нет, в этот раз судьба решила одарить именно фронтмена. Вне графика. Всем и сразу.

Макс в раздражении провел рукой по взъерошенным светлым волосам, а потом щелкнул металлической крышкой, открывая банку с колой. Газировка, словно вторя раздражению хозяина, брызнула во все стороны шипящей, как кобра, струей.

– Да чтоб тебя! Зараза.

– Надеюсь это ты не обо мне?

Дверь в комнату открылась, и на пороге показался продюсер группы. Сегодня он был энергичен, подтянут и, судя по виду, уже не столь опасен. В смысле, если и будет убивать, то холодно и расчётливо, а не в состоянии аффекта гоняться по всему гостиничному номеру за Максом с ножом для колки льда. А вот вчера… Если бы фронтмена и продюсера не разделяли полторы тысячи километров, то наверняка сегодня бы к гипсу Дэна прибавился еще и гроб Макса.

Великая все же вещь – скайп. Да и оптоволоконная сеть в целом. Прикольная штука: в сечении иногда всего несколько миллиметров, а сколько жизней она спасла… И сколько ночей сна отняла у обитателей интернета тоже.

Впрочем, Максу было сейчас немного не до философии. Стас Ланских прилетел к нему явно не для беседы о смысле бытия за чашкой утреннего кофе.

– Ну, как там наш ирокезнутый? – полушутя осведомился гость, без лишних церемоний кинув свой пиджак на постель.

– Дэн? Улыбается, заигрывает с любой смазливой мордашкой и обещает навалять тем придуркам, с которыми подрался в клубе. А как он еще может быть? – Макс покосился на банку с колой, словно та могла дать ответ. А потом, все же решив, что нечего добру пропадать, раз за него уплачено, в несколько глотков осушил жестянку.

– Ну, от барабанщика, который через раз на концертах умудряется ловить на свои палочки летящие из толпы фанаток лифчики и не сбиваться при этом с ритма, трудно ожидать другого. А вот что говорят врачи?

Макс встал из кресла, прошелся по номеру и остановился у окна.

– Две недели покоя, – повторил он сказанное продюсеру накануне и, видя, как тот открыл рот еще для одного вопроса, поспешно добавил: – Нет, палочки к гипсу привязывать нельзя.

– Палочки к ги… – ошеломленно моргнул Стас. – Что за?..

– Это был первый вопрос Дэна, после того, как ему наложили гипс.

– Придурок… – продюсер лишь устало покачал головой. – О пресс-конференции и фотосессии я договорюсь, график гастролей передвинем. Пока… – Стас обвел взглядом номер, который Макс делил с умчавшимся куда-то с утра пораньше басистом Ником. – Сидите тихо и постарайтесь больше ничего не ломать. И не только себе!

Последнее он выделил особо. К слову, не безосновательно выделил. Результатом вчерашней драки в ночном клубе, с которой еще предстояло разбираться юристам, была не только загипсованная рука ударника, но и куча разбитой посуды (Дэн кинул кого-то на барную стойку), сломанных стульев и столов. А так же разукрашенных физиономий.

Спустя шесть часов после визита продюсера, когда прошла обещанная пресс-конференция и дотошные журналисты задали свои тысяча и один вопрос, а фото

Дэна – загипсованного, но с довольной исцарапанной рожей – появилось на всех порталах, которые повествуют о современной музыке и не только, Макс обессиленно рухнул на кровать. На соседней в позе звезды распластался Ник.

– Я почти труп, – простонал бас-гитарист.

– Не ври. Если в тебя потыкать палочкой, то ты еще вполне можешь возмутиться. А если шокером – то и вскочишь. Значит ты – определенно живой.

– Это смотря какой у шокера будет заряд, – отозвался Ник. – От некоторых, говорят, и трупы дрыгнуться могут.

– Знаешь, в такие моменты я даже завидую им… – протянул Макс.

– Кому?

– Трупам, кому же еще. Лежат себе тихо в морге, никто им микрофонами в лицо не тычет, норовя зубы выбить, в туалете не преследует…

– Ну да, их всего лишь режут и потом землей засыпают… Хотя ты и без закапывания уже выглядишь как зомби с истекшим сроком годности, – Ника сегодня еще с утра обуял приступ «оптимизма». И на пресс-конференции он тоже был… «обуеваемый». Правда, продюсер выразился лаконичнее: обуевший на всю голову со своим черным юмором.

– Спасибо, – буркнул Макс. Сил перебрасываться подколками не было. Да что там перебрасываться, иногда казалось, что он и дышать то себя заставляет.

В этом году группа серьезно заявила о себе, перейдя в «высшую лигу». Но далось это непросто. Тур по стране: «Дикая мята», «Нашествие», «Stereoleto», «Вдохновение», «Доброфест» и другие. В сентрябре «Похитители ночи» собрали тысячные залы в обеих столицах, зазвучали на десятке радиочастот, сняли несколько клипов и успели поучаствовать в трех интернет-проектах. А на горизонте еще маячил совместный концерт с популярной европейской группой.

Да, «Похитители» порвали все чарты страны и взяли резкий старт. Но Макс, да и все ребята, жутко устали.

– Слушай, а может нам отдохнуть хоть недельку, раз уж Дэн пока не при делах? Все равно концерты отменили? – Ник дрыгнул ногой. – Я бы к семье слетал… Три года их только через монитор видел.

– Спи уже, летчик, – выдохнул Макс. Но мысль об отдыхе не отпускала его до самого утра, преследуя даже во сне.

Наутро он созвонился с продюсером, и под аккомпанемент отборной ругани договорился-таки на десять дней отпуска для всей группы. Больше всего известию обрадовался … загипсованный, заявив, что теперь-то он может кутить с чистой совестью, и вообще, если бы не он, то не было бы никакого отпуска… За что и получил сразу четыре затрещины.

Глава 1

«Каждая из нас хоть раз в своей жизни озадачивалась тем, чтобы похудеть. К лету, для здоровья, чтобы быть привлекательнее… Причин тысяча. Но враг в этом неравном бою один – весы. А зеркало и сантиметровая лента – его союзники. Вот и я в очередной раз поняла: пора. Ибо каждая написанная книга как-то незаметно добавляла мне по килограмму», – с этого началась моя история.

«Сперва я по дурости полезла в гугл (диеты и упражнения – а вдруг появилось что-то новенькое?). Наивная чукотская девушка! Реклама мне тут же выдала кучу всего, прочно прописала это в боковые баннеры всех страниц, и я поняла одно: полнеть реально дешевле и приятнее. Но это не поколебало мой боевой дух. Решила начать бегать по утрам и есть побольше овощей. С первым не сложилось по причине того, что мой организм оказался умнее хозяйки и вставать в пять утра, чтобы нестись куда-то по гололеду, гордо рея трениками, отказался напрочь. Я просыпала все будильники.

Второе удалось частично: хрумкать листиком салата, изображая ярого последователя кроликов, когда со всех сторон тебя буквально атаковали бургеры, хот-доги, кока-колы, а кулинарии на каждом шагу так и манили запахами… мягко говоря – уныло. В общем, устоять я не смогла. Вывод: коварные рекламщики не только не способствовали похудению, а наоборот,

сбивали с пути истинного.

Потом я рискнула попробовать антицелюлитный крем. Вот это была моя самая большая ошибка. И в каком аду готовили эту термоядерную смесь?! Да ею реально можно пытать самых злостных преступников, отогревать туристов, закоченевших в дикой тундре, использовать в качестве ракетного топлива… А еще занести в список запрещенного химоружия. Не знаю, кто тестировал этот крем, но могу сказать: это были люди с о-о-очень большой выдержкой. Или носороги, ибо только их шкура способна выдержать такое. В общем, воспоминания об этом креме у меня остались гораздо более яркие, чем об отпуске на море, хотя не могу сказать, что такие же приятные. Но яркие – это точно.

После опытов с кремом на фиточай я так и не осмелилась. И вообще поняла: плевать на килограммы. К тому же худеть было грустно, а булочки так манили… Итог: я решила быть веселой и жизнерадостной. А стройность… как-нибудь в другой раз…»

Я закончила набирать пост в соцсети: так сказать, подвела итоги весны. Какой-никакой, но все же отзыв в интернет-магазине о термоядерном креме я оставила. Удовлетворенно нажала на «отправить» и с чувством выполненного долга откинулась в кресле. Сегодня был выходной. Завтра маячила вроде бы даже почти любимая работа. Она была бы еще более любимой, если бы не размер зарплаты. К слову, последняя напоминала мне нанотехнологии: о ней было много разговоров, а вот на деле – ни в руках не подержать толком, ни пользы ощутить.

Секретарь – звучит гордо. Сразу представляется деловой костюм, портфель, галстук и очки. Секретарша – уже не так. И ассоциации уже не те: кофе, электронная почта и «Дмитрий Сергеевич, к вам посетитель…». Но у меня… у меня даже этого пресловутого «Дмитрия Сергеевича» не было! И о мачо – боссе с накачанными кубиками торса, который бы влюбился в меня, свою подчиненную, – было не помечтать! А все потому, что светлый образ, который лелеяли в глубине души поклонницы «Пятидесяти оттенков серого» разбивался о сто пятьдесят килограммов моего начальства. К оному можно было обращаться только как «Ирина Олеговна».

Руководитель дистрибьюторского центра, мой шеф, была дамой боевой. Прямо олицетворение победоносного танка Т-34. Она нещадно давила конкурентов

продажами, выбивала из своих подчиненных выполнение планов так, что многие, стоя у ее дверей, молили пристрелить их. Увы. Тут я была бессердечна, и убивать не убивала. Ибо мне за это не доплачивали. А вот радушно открывать «двери в чистилище» – всегда пожалуйста.

Причиной, по которой я оказалась на сей почетной должности привратника Ада, была весьма прозаической. Когда год назад нам торжественно вручили дипломы, заявив, что мир получил в нашем лице аж целых двадцать пять менеджеров по рекламе, мы возрадовались: конец учебе. Вот только профессура забыла сообщить, что «одна из самых престижных и востребованных специальностей» – это в реальности еще и бешеная конкуренция, где желторотые новички заведомо в проигрыше.

Возможно, меня, с моим красным дипломом, ждала оглушительная карьера в одной из крупнейших мировых компаний. Ждала, но… не дождалась. Потому как я подумала, что пройти путь от поломойки до манагера в Макдаке всегда успею, тем более негласный лозунг этой компании – «руки в масле, попа в мыле» – лучше всего говорил об условиях работы, куда уж там восьми страницам трудового договора.

В итоге я решила, что опыт мне пока важнее зарплаты, и отправилась в филиал ада на земле, главным демон… директором в котором и была Илларионова Ирина Олеговна. К слову, дама была действительно дьявольски умна, отлично разбиралась в психологии и знала о рекламе все. А еще она умела всыпать перцу, испепелить (не только взглядом), воспламенить публику, зажарить ее мозг и выесть его чайной ложечкой… И делала это регулярно на презентациях посуды, которую и продавала наша фирма. Причем, за немалые деньги продавала. Презренный облагороженный пластик шел по цене чуть ли не обогащенного урана. А все благодаря грамотной рекламной политике.

Вот только у моей должности был один минус: сидячая работа. За компьютером я проводила больше восьми часов: отчеты, макеты, посты, обработка заявок… Да еще в демонстрационном зале после презентаций всегда было что-то вкусненькое. Возможно ли устоять в девять вечера перед пудингом, приготовленным по всем правилам кулинарии? Особенно если перед тобой еще маячит необработанная толстенная папка с бумагами? Правильно – невозможно.

Моя фигура против калорий тоже не устояла и начала, как вселенная, расширяться. К тому же постоянный стресс, на который начальство – в отличие

от премии – расщедривалось регулярно, чаще всего заедался шоколадками. Как итог: за год я набрала десять килограмм, а мой пресс стал работать под прикрытием самого надежно согревающего тела элемента – жирка.

Когда же я приползала уставшая с работы, сил идти в тренажерный зал уже не было. И вот этой весной я осознала: еще один год в таком же ритме – и из категории «девушка» я резко перескочу в «гранд-дама».

В общем, я решила худеть. Чем это закончилось? Я потеряла два килограмма и превысила свой лимит по питанию на десять тысяч за месяц. Не есть оказалось дороже, чем есть.

Пиликнул смской телефон. «Сегодня не сможем увидеться, меня завал с переводом».

«Жаль. Конечно работай. Люблю тебя», – быстро набрала я, и рука сама собой поставила смайлик.

Писал Игорь. Мой вроде как парень и чуть-чуть даже жених. Почему «вроде как»? Потому что мы за последний месяц виделись всего пару раз: то у меня работа, то у него… Хотя год назад он мне сделал предложение. Но я тогда только-только получила диплом и хотела пожить хотя бы немного свободно. Вот, дохотелась.

За окном маняще светило солнце. По плану, вообще-то, была уборка. Я еще раз посмотрела в окно, потом бросила взгляд на комнату. Беспорядок был из категории: «пускать чужих людей стыдно, а свои – видели и похлеще». Да ну его! Убраться успеется, а хорошая погода ждать не будет.

Джинсы, кроссовки, блузка и кардиган – начало лета выдалось хоть ярким, но прохладным – и вот уже я шла по улице.

Гуляла вдохновенно, улыбаясь, радуясь теплым солнечным лучам, точно оказалась не в парке, а в детстве. На углу стояла кондитерская, откуда по аллеям расползался умопомрачительный запах. Идея купить тортик и нагрянуть к Игорю, порадовать его вкусненьким, возникла спонтанно. И так же спонтанно я спустя час оказалась на пороге его квартиры.

Позвонила раз. Второй. Он долго не открывал. А потом ключ повернулся, дверь неторопливо стала открываться, и я услышала звонкий женский голос:

– Ну что так долго, мы пиццу и роллы больше получаса назад заказывали, – появившаяся в проеме блондинка недовольно наморщила нос и протянула: – Что вылупилась? Заказ давай. И гони отсюда, мы все оплатили уже. А на чаевые даже не надейся.

Она была лишь в одном банном полотенце, которое я по случаю подарила Игорю, что как-то резко исключало из вариантов классических мужских отмазок «коллега по работе» и «соседка за солью зашла».

Прекрасное созданье с манерами гопника протянуло наманикюренную лапку и попыталось цапнуть из моих рук бумажный пакет с тортиком. И тут из-за ее спины, перекрывая шум льющейся воды, раздалось:

– Кисуня, заказ принесли?

Опережая «кисуню», я весело крикнула:

– Да, котик, заказ.

Вода в ванной мгновенно перестала литься, «Кисуню» резко втянуло внутрь, а дверь перед моим носом чуть не захлопнулась. Но кроссовка – это не балетка на тонюсенькой подошве. Китайский «найкус» с честью выдержал удар о косяк, когда я ловко всунула ногу в проем, не дав двери закрыться.

– Ты что, оборзела? – взревела девица, готовая ринуться на меня.

– Ника? – ошарашенно выпалил материализовавшийся из ванной Игорь, прикрывая стратегическое место малюсеньким полотенчиком.

Блондинка, оказавшаяся между мной и моим парнем, который в эти секунды стремительно приобретал приставку «экс», повернулась ко мне спиной. Видимо, она тоже считала себя в жизни Игоря единственной. Ну хотя бы на эту ночь.

– Я смотрю, у тебя и правда завал… – сочувственно кивнула я.

Год назад я бы точно закатила истерику. Или трусливой мышкой поспешила убраться подальше. Но, видимо, моя начальница что-то сумела во мне изменить. Или, скорее, просто надрессировала на стресс. Потому вместо воплей и слез из меня лез сарказм:

– К слову, симпатичный такой завал. И попка у него ничего… Одним словом, одобряю.

Блондинка, уже было ринувшаяся начистить забрало своему «рыцарю» при моих словах чуть не споткнулась.

А я между тем продолжила:

– Игорь, я чего зашла-то. Сказать, что подумала над твоим предложением… Ну, выйти за тебя замуж. И знаешь, мой ответ «нет».

– Ты, сволочь, – прошипела «кисуня» в лицо попятившегося «котика». И наращивая обороты продолжила: – Мало того, что еще с кем-то за моей спиной встречался, так еще и замуж звал? А я, как идиотка… Четыре месяца… – От прозвучавших сроков я слегка опешила. Это сколько же времени мне этот подлец мозги пудрил? – Ах ты скотина! – И блондинка, которая, к слову, была на вид как миниатюрная статуэтка и доходила бывшему до плеча, кажется, не совсем осознавая, что ее весовая категория слегка отличается от накачанного центнера Игоря, ринулась в атаку.

Спустя всего полминуты я поняла, что те, кто придумал слоган «сантиметры решают все» – идиот. Разница в росте между блондинкой и бывшим была не меньше полутора дециметров. Но на пол с криком раненного зверя рухнул Игорь.

Блондинка тут же оседлала поверженного. А дальше… Чавкающие звуки, удары, четкие и ритмичные, как у боксера о грушу, дрыгающаяся мужская пятка и сдавленное «помогите» – это все, что я запомнила.

Потом бывший каким-то чудом извернулся, с размаху долбанул кулаком по лицу блондинки и, ужом вывернувшись из-под нее, дал деру прямо на меня.

Я едва успела отпрыгнуть, как мимо пулей просвистело абсолютно голое мужское тело. По лестнице в лучших традициях кота раздалось тыгыдык-тыгыдык, а затем хлопнула подъездная дверь.

Я же резвостью Игоря не обладала, а потому тихонько попятилась, но, бросив быстрый взгляд на «кисуню» – а ну как меня сейчас начнет валтузить вместо удравшего дорогого – остановилась. Блондинка, потерявшая в драке свое полотенце, едва поднялась на ноги и взмахнув вырванным у побежденного клочком махровой ткани, прислонилась к стенке и начала сползать.

Разумнее всего было убежать, но я, вспомнив удар бывшего в голову его пассии, остановилась. А вдруг у нее сотрясение или… того хуже. А я уйду. А ей нужен врач. Адреналиновая злость – штука опасная. Человек и пулю в груди с ней не сразу почувствовать может…

В общем, повела я себя как клиническая идиотка – кинулась на помощь.

Дотащила блондинку до дивана, прикрыла ее махровым полотенцем, валявшемся неподалеку, вызвала скорую и приложила к щеке, которую раздувало на глазах, холодный компресс.

Прошло около получаса, скорая не торопилась, зато моя «коллега» по Игорю пришла в себя. Сначала она ничего не поняла, потом попыталась вскочить, но у нее тут же закружилась голова, а затем в домофон позвонили: наконец-то приехали люди в синих фуфайках.

Едва я открыла дверь и указала им на пострадавшую, они – в лучших традициях коллекторов: не разуваясь и не здороваясь, – потопали к ней.

Сделали записи, попросили сосчитать пальцы, спросили, не было ли лужи под потерпевшей сразу после травмы, всадили укол ношпы (причем фельдшер так долго целился в ягодицу, что я уже было решила – попадет в диван) и уехали.

А мы остались. В неловкой тишине.

– Если тебе уже лучше, я, пожалуй, пойду… – сказала я и посмотрела, как за окном догорал закат. М-да, припозднилась.

Уже встала и направилась в прихожую, как в спину полетело.

– Спасибо. Меня, кстати, Соня зовут.

Я остановилась. Обернулась. И как-то само собой сорвалось:

– Ника.

– Я знаю. Перед тем, как я отметелила этого говнюка, он тебя назвал, – она попыталась усмехнуться, но тут же скривилась: видимо, напомнил о себе синяк.

В дверь раздался звонок, и до этого лежавшая пластом Соня резко вскочила и с воинственным криком ринулась к двери. Судя по всему – отсыпать добавки блудному любовнику. Но на пороге нарисовался доставщик пиццы.

Буквально три секунды – и Соня уже стояла с коробкой в одной руке и сетом роллов – в другой. А паренек испарился. Вот что значит профессионал. Печенкой почуял, когда стоит появиться, и когда – исчезнуть.

Соня повернулась ко мне и вздохнула:

– Слушай, Ника, оставайся. Не пропадать же добру…

Не то чтобы я горела желанием… Но спустя пару часов, когда мы основательно распробовали и пиццу, и роллы, и мой тортик, и завалявшийся на кухне коньяк, оказалось, что у нас с Соней много тем для обсуждения.

К слову, Игорь этой ночью на съемную квартиру так и не явился.

Зато мы с Соней душевно посидели. До утра.

– Так ты это… сукрет… сиськ… – новая знакомая пьяно захихикала и, решив, что так тоже неплохо, выразительным нетрезвым жестом изобразила на себе мои верхние сто десять сантиметров. Но потом покачала пальцем перед свои носом и совладала с языком – Се-ктре-тар-ша. Во!

– Ага. Ик!

Я тоже была далека от стеклышка, но держалась все же получше. Как-никак дозы коньяка у нас были равные, а вот вместилища – нет.

Если Соня была обладательницей форм из категории погреметь, то я – потрясти. Все же природа не обделила меня ростом (тут сказались гены дедушки-волейболиста) и формами (тут уж к деду вопросов не было, а вот к маме, на пятый размер которой мужчины и сейчас сворачивали шеи – таки да). Нет, я не комплексовала по этому поводу. Ну хорошо… Иногда меня задевало, когда слышала от консультантов тщательно скрываемое презрение – бабуля утверждала, что зависть! – за фразой: «У нас линейка до сорок четвертого размера… Поищите в магазине для полных». И это при том, что мои шестьдесят с плюсом кило – плюсик плавно перетекал в семерку с нолем – меня не сильно обременяли. Мне с ними даже было весело. И я даже считала себя вроде привлекательной и счастливой. До вчерашнего вечера.

– И у тебя… – Соня сделала выдох, словно борьба с собственным языком была для нее непосильной. Но все же она была в прошлом спортсменкой, о чем поведала во время нашей милой девичей пьян… философско-интеллектуальной беседы о смысле жизни, сдобренной бальзамированием (пятизвездочный коньячок – отличный бальзам!) душевных ран. В общем, Соня справилась и сумела выговорить. Даже без запинки: – Классный начальник? Наверняка богатый и властный.

Я вспомнила, что начальница на свою зарплату не жаловалась (и нам настоятельно не советовала, хотя подчиненных и босса от равенства отделял какой-то пресловутый нолик), а властности и вовсе могла страждущим дать взаймы, потому ответила честно:

– Ага… Такой классный, что класть на него – не перекласть.

– Это как? – Соня сморгнула.

– А так… мой шеф – властелинша.

– Трындец, – только и сказала Соня, а потом подняла рюмку, не чокаясь выпила залпом, будто поминая. И только потом пояснила: – Мужика хотя бы истерикой и

слезами пронять можно, а тут… Ты попала.

То, что я влипла, я поняла еще год назад, узрев свое начальство в боевой ипостаси главного дистрибьютора региона, дававшего мастер-класс по приготовлению мяса на сковороде «Таппер». Тогда на презентации вокруг Илларионовой подчиненные летали быстрее, чем пули на передовой. Ей подавали все: от масла и мяса до широких улыбок и аплодисментов даже не по первому слову. По взгляду. И вот тогда-то я осознала: это как же надо было надрессировать своих подчиненных…

– Угу, – я шмыгнула носом.

Взгляд упал на фото бывшего, которое стояло в рамочке на подоконнике. Соня проследила за тем, куда я смотрю.

– Кобель он, хоть и породистый, – она махнула рукой, а потом таким тоном, словно рассуждала в какой цвет покрасить ногти, в перламутровый или нежно розовый, произнесла: – Нос ему сломать, что ли…

Как я уже поняла, это Соня могла. И запросто. Судя по ее боевому настрою.

– Да ладно, пусть живет со своим кривым, – отмахнулась я, и со вздохом призналась: – Я из-за этой сволочи от отпуска отказалась. Этот паразит все втирал о том, что занят переводами. Вот я и не брала.

– А меня заверял, что у него больной брат.

Я глянула на «переводы». Соня – на «брата». И мы выпили. После чего тортика не осталось вовсе.

– Одни расстройства от этого кобеля. Вот сейчас к моим набранным десяти нервным килограммам прибавится еще один, – я печально облизала остатки крема с ложки. – Ни отдыха. Ни фигуры.

– Зато ни я, ни ты не вышли замуж за этого… любителя проводить кастинг.

– А при чем тут кастинг? – не поняла я.

Сейчас мы с Соней обе плавно переходили из стадии «язык заплетается» в «море по колено, горы по плечу», когда понимаешь собеседника с полуслова и начинает неудержимо тянуть на подвиги.

– Пока брак не заключен, считается, что мужик не изменяет, а это…тестирует, – зло усмехнулась Соня. – Но с другой стороны… А нам-то что мешает это сделать?

– Не-не… – я замотала головой. – Я не готова…

Соня на миг зависла, а потом, словно ее озарило, метнулась в комнату, приволокла ноутбук Игоря и, хихикая, ввела пароль.

– Откуда? – икнула я.

– Да он у него простой. Я всего-то один раз подсмотрела…

«Простой» пароль оказался какой-то дичайшей комбинацией английских букв, верхнего регистра и цифр.

Едва ноут мигнул, Соня сразу же полезла в яндекс. Причем не просто в яндекс, а в яндекс-кошелек.

Я тоже знала, что Игорь предпочитает работать в обход налогов, потому особо жалует виртуальные кошельки. Увидев сумму, блондинка присвистнула. А потом зловеще протянула:

– Сейчас этот урод нам за все заплатит.

Причем «заплатит» оказалось далеко не фигурой речи.

Порыскав по квартире, Соня нашла телефон бывшего, а дальше… В оправдание могу сказать, что мы обе были пьяны. Сильно пьяны. Иначе как я дала себя уговорить на горящий фитнес-тур на Бали? За кругленькую сумму, которая улетела со счета Игоря.

Соня же, порывшись на сайте туроператора, выбрала для себя Альпы, заявив, что никогда там не была. И вообще. Это наша моральная компенсация, а в перспективе – и аморальный отдых.

Как ангел мщения во плоти, она выбрала специально «невозвратные» варианты, чтобы путевки нельзя было отменить. Да и особо на это времени не было. Мой вылет планировался уже завтра вечером. Сонин – послезавтра утром.

Распечатав бланки, мы благополучно уснули. Прямо сидя за столом.

А утро началось с телефонного звонка.

– Белоус, где тебя носит? – ввинчиваясь в воспаленный мозг трубка призывала к моей мирно дрыхнущий совести. – Илларионова рвет и мечет. Требует твоей крови. На худой конец – трупа, который можно накачать кофе, обмазать скипидаром и заставить работать.

Этот голос я бы узнала из сотен тысяч. Даже в бреду. Даже в отключке. Елена Ведминская. Я невольно застонала. Лена – человек, способный свести баланс даже если дебет с кредитом ушли в долгий и разносторонний загул, обладала еще одной суперспособностью: она могла отыскать любого, дозвониться даже на выключенный телефон и…Иногда мне казалось, что даже умри я, она спокойно притащит мою душу с того света и воскресит, если я не донесла ей от начальства какие-то бумаги.

– Ника… Ты где?

– Здесь, – честно ответила я, обозревая результаты вчерашней душевной беседы. Один из этих самых «результатов» – лист с распечатанным электронным билетом – как раз прилип к моей щеке. Я машинально его отодрала. Глянула на сумму. Зависла. Это же моя полугодовая зарплата.

А Лена, ни о чем не подозревая, возмутилась:

– Здесь? А надо тут. И быстро. Так что давай, каблуки в зубы и бегом, обгоняя вагоны метро, в офис.

– Ага… – отстранённо согласилась я, отключая телефон.

Глянула на дисплей и… увидела сколько времени. А потом было волшебное заклинание «твою ж ….!», и я помчалась на работу, машинально запихнув электронный билет в сумочку.

Неумытая, непричесанная, зевающая и в то же время нервно сжимающая ручку сумочки – в общем, я была типичной утренней пассажиркой маршрутки, дико опаздывающей на работу.

Водитель, гордый уроженец Кавказа, взращенный на коварстве серпантинных дорог, лихо выкручивал руль, обгоняя, подрезая, тормозя и давя на газ так, что я ощущала себя монетой в копилке, которую решили встряхнуть.

Я скосила глаза на соседку, которая при этой болтанке умудрилась достать из своего фирменного рюкзачка косметичку. Глядя на то, как девушка лихо орудует помадой, тушью и даже подводкой, я поняла: передо мной настоящая женщина. Ибо только такая способна нарисовать идеально прямую стрелку, когда то ли Арсен, то ли Гоги, подпевая «ой-ваэ… разорвать тугих ой-вэй сани-тар круг» заходит на очередной вираж.

Нет, если бы существовал какой-то спорт по мейкапу, то моя соседка была бы явно мастером-международником. А я так, третьеразрядницей. Причем даже не взрослой, а юноиорской лиги… Потому что все, на что меня хватило – это пригладить пятерней каштановые волосы, быстро переплести их в некое подобие косы, закрепив найденной в сумочке резинкой, закинуть в рот там же обнаруженный «Орбит», которому сегодня выпала почётная роль зубной щетки, да одернуть одежду. И все же спустя двадцать минут, выскочив из маршрутки, я чувствовала себя уже почти человеком.

В офис я залетела на второй космической, затормозив только о свой стол. Фух! Под столом обретались мои офисные туфли с коварно тонкой подошвой и каблуком, который был вроде и устойчивым, пока я их мерила в магазине, а вот на брусчатке… Сменив удобные кроссовки на этот взбрык моего здравого смысла, который отчего-то продавцы величали «лодочки на шпильке», я ринулась к узенькому шкафу, куда по идее должны были зимой втиснуться пара пальто (по факту – одна шуба начальницы). Там сейчас было почти пусто: лишь моя запасная блузка и два пиджака Ирины Олеговны.

Переоделась пулей, молясь про себя, чтобы сегодня босс не заметила, что я одета не по «регламенту Цербера»: черный низ, белый верх и оскал в тридцать два зуба с готовностью покусать любого, кто побеспокоит моего шефа вне графика приема. В принципе, на мне сейчас все, кроме «низа».

Вдохнула. Выдохнула. И только закрыла дверцу шкафа, как услышала:

– Вы опоздали.

Передо мной стояло начальство собственной персоной и пылало гневом. Когда на тебя пылают гневом сто пятьдесят килограмм – это страшно.

Сказать, этого больше не повторится? Попытаться надавить на жалость? Первое грозит штрафом. Второе – штрафом и головной болью от начальственного нагоняя. В любом случае, молчать дальше было невозможно: начальственные брови двумя грозовыми тучами столкнулись на переносице.

Я открыла было рот для того, чтобы выдать на-гора, как у меня дома заклинило замок, и я доблестно прорывалась на работу через соседский балкон, но тут мой взгляд упал на сумочку, что стояла на рабочем столе. Из нее, приоткрытой, торчал распечатанный электронный билет.

Я вспомнила, сколько он стоил… И похолодела, поняв, что Игорь меня убьет. Вот точно убьет, в буквальном смысле этого слова. Забудет, что он интеллигент в третьем поколении, переводчик художественной литературы (в том числе и со староанглийского) и вообще утонченная натура. И придушит. Или шею свернет…

Перевела взгляд на звереющее начальство. Мысленно вернулась к Игорю. Потом к билетам и… широко улыбнулась Илларионовой, объявив:

– Я с сегодняшнего дня в отпуске!

Начальство поперхнулось и побагровело, осознав, что его откровенно послали.

– Что-о-о?! – громкий рык прокатился по приемной, разлетелся по офису, с доски объявлений посыпались все скрепки. – Ты белены объелась, Белоус?

– Не белены, а трудового кодекса! Мне по нему раз в год положен отпуск. А я уже тринадцать месяцев тут работаю. И мне не предложили ни компенсации, ни хотя бы отгулов…

– Какие, к чертям собачьим, отгулы?

– Оплачиваемые, – обнаглела я, мысленно прощаясь со своей работой.

– У меня через десять дней отчет в центр, конференция…

– А я в отпуск хочу.

– Не пущу! – не сдавалось начальство.

– Тогда я себе через месяц организую сама! Продолжительный, – и мстительно добавила: – декретный.

Я впервые так открыто говорила с Илларионовой, уверенно, спокойно. Без подкашивающихся коленок и внутренней дрожи от того, что за дерзость можно схлопотать штраф, а то и увольнение. И не сводя глаз со взбешенного начальства, которое прожигало меня взглядом. И в этом взгляде впервые промелькнуло что-то похожее на уважение.

– Воспитала на свою голову… – Илларионова оперлась на край стола, рядом с которым стояла. Ее длинные ногти-стилеты кроваво-красного оттенка поцокали рядом с клавиатурой. – А ты растешь, Ника…

А потом она уже совершенно другим голосом уточнила:

– И чего ты так сорвалась-то?

Она спрашивала у меня, как у равной. У равной. С учетом того, что всех подчиненных за закрытыми дверьми величала «курицами». Даже парень программист у нее был «курицей», не «петухом». И относилась ко всем с превосходством. А вот сейчас, в этом простом ее вопросе превосходства не было ни капли.

– Любовник оплатил тур на Бали. Горящий… – вздохнула я. И ведь я не соврала ни разу.

Брови Илларионовой откровенно полезли на лоб. Ну да. Обычно об таком с оттенком хвастовства говорят девушки с совершенно другой, модельной внешностью. И не начальству, а заклятым подружкам за столиком в кафе…

В общем, не такие как я. Совершенно. Хотя от подиумных красоток у меня тоже кое-что было: рост. А вот вес, увы, в стандарт не вписывался.

Судя по всему, об этом же подумало и начальство. Что не тяну я на ту, кому любовники покупают путевку на Бали. Вот в санаторий «Ласточка» – это да.

Пауза затягивалась. И надо было именно в этот момент тишину разрезать трели сотового. Эта мелодия у меня стояла только на один номер. Игоря.

В треугольнике «секретарша-начальство-телефон» почему-то тупым углом я почувствовала именно себя.

– Ответишь? Вдруг это твой лю-бов-ник… – насмешливо протянула Илларионова.

Так и хотелось ляпнуть «нет», но с другой стороны – чем не повод улизнуть из-под нервирующего взора начальства.

Я протянула руку к сумке, выудила смартфон, и шепнув: «Буквально одну минуточку!», стремглав выбежала из приемной. Едва оказалась в коридоре, мазнула по экрану пальцем и чуть не получила звуковую контузию.

Игорь не просто орал. Про ощущениям, он через телефон пытался достать меня и убить. Никогда не думала, что можно материться пять минут и ни разу не повториться. С другой стороны – он же лингвист, филолог, а значит – профессионал. Просто я до этого не думала, что профессионалы бывают столь разносторонне подкованы.

– Ты… за… сво… какого…верни… деньги…

– Значит, домой ты все же вернулся….

Спокойно и холодно вставленная в словесный поток фраза заставила Игоря перейти от лексикона гоблина к речи портового грузчика: то есть число матюгов сократилось вдвое.

– Как вы… мой…гонорар… за четыре … месяца… – неистовал бэушный любовник.

Зато я теперь поняла, что это были за деньги: гонорар за какую-то трилогию, которую бывший подрядился перевести. И теперь ему, оставшемуся на мели, придется три месяца сводить концы с концами.

– Верни деньги, – почти по-человечески выдал тот, кого я еще недавно считала почти женихом, – иначе…

– Иначе что, замуж меня не возьмешь? – я искренне порадовалась, что нас разделяло расстояние.

– Да кому ты, толстуха, нужна. Пусть даже и с бабкиной квартирой. Я тебя, тупорылую идиотку, два года окучивал ради прописки, бревно ты постельное…

– Слушай, папа Карло, ты, как я посмотрю, в это время еще и другие поленья неплохо стругал, – звенящим тоном перебила я. – А то, что ты оказался на мели… Ничего, пару месяцев поешь овсянку. Никто тебе ничего не вернет, ни я, ни Сонька. Считай, что лишен сладкого за плохое поведение.

– Значит, это все она… Ты бы своими куриными мозгами до такого не додумалась…

– Мы вместе, – я сделала глубокий вдох. – Не скрою, нам было трудно, особенно напиться. Но мы-таки справились. И с коньяком, и с твоим паролем на ноуте. И на сотовом.

В телефоне раздался треск и тишина. Судя по всему, кто-то разбил свой смартфон о стену.

А я стояла и тупо смотрела в окно. Не убрав трубку от уха. Не сразу поняла, что изнутри меня душат слезы. Невыплаканные, а потому сжигающие душу. Какая же я идиотка, почему сразу не поняла, что этому козлу от меня нужно?

– Если ты сейчас заплачешь, я разочаруюсь в тебе, – рядом появилась начальница.

Отчего-то я не сомневалась, что она слышала все. И поняла все. Или почти все.

– Вчера я застукала своего пар… – я споткнулась. – Бывшего с любовницей.

– И я так понимаю, что вы решили отомстить?

Я лишь кивнула, стараясь не расплакаться.

– Знаешь, вот не хотела я тебя отпускать… Еще десять минут назад – не хотела. Но сейчас – найдешь себе на две недели подмену, и я подпишу твое заявление.

– Об увольнении? – отчего-то моя логика решила, что ей сейчас самое время самоустраниться.

– В отпуск, дурында. Кобелей надо кастрировать, – добавила Илларионова жестко. – А если кастрировать не получается, то хотя бы мстить.

И столько потаенного, личного было в этой фразе…

Она развернулась и пошла прочь. Прямая спина, уверенный шаг. Мне что, послышалось?

«Я просто дура, расчувствовавшаяся дура…» – подумала про себя, но вслух не сказала. Не могла моя грозная непогрешимая начальница такого сказать про кобелей, просто не могла.

Но тем не менее я пулей метнулась в бухгалтерию, упала на колени и… Тут в ход пошло все: и невыплаканные слезы, и история о том, что бывший меня убьет, если я не удеру куда-нибудь, и напоминание о том, что мы вроде-как с Леной подруги (узнав об этом, она сильно удивилась). На обещании двойной зарплаты (за две недели я обещала отдать ей свои аванс и расчёт сверх того, что заплатит начальница) Ведьминская сдалась и согласилась-таки меня подменить. Я тут же накатала заявление.

Подписала его Илларионова еще быстрее. А потом я пулей помчалась в хозяйственный магазин, на ходу вызывая «мужа на час». Вот только слегка замялась, когда оператор попросила меня назвать причину вызова: то ли говорить «врезка замка», то ли «битье морды бывшему любовнику». Но решила, что на столярные работы «муж в аренду» приедет быстрее…

С мастером мы прибыли к моим дверям практически одновременно. И замок он поменял на раз-два. Едва он закончил, и я стала рассчитываться с ним за услугу, как в коридоре раздался звук остановившегося лифта, а спустя несколько секунд с той стороны двери раздался скрежет: судя по всему, в замок пытались запихнуть ключ. Безуспешно.

Потом у взломщика в ход пошли заклинания. В основном – из пособий по анатомии и физиологии. Так что если бы я своими глазами не видела диплом переводчика на имя Игоря Сергеевича Маханенковского, то подумала бы, что с той стороны в мою скромную старенькую двушку жаждет попасть как минимум почетный проктолог-гинеколог-уролог.

В дверь начали долбить кулаками, ногами.

Мы со слесарем все это время тихо стояли в коридоре. К слову, щуплый мужичонка в кепочке и пиджаке, с чемоданчиком, цепко зажатом в кулачках на уровне сердца, напоминал в этот момент суриката. Он замер, потом нервно сглотнул и взглянул на меня со смесью испуга и осуждения. Я прямо почувствовала себя Белоснежкой, перед которой стоял один из гномов.

– Предупреждать же надо… – тихо выдохнул слесарь, видимо, поняв, что чуть замешкайся он – удары могли бы прийтись не по двери, а по нему.

Я шепотом предложила:

– Извините. Может, пока он не уйдет – чайку?

Мужичок постоял, подумал… и согласился.

В итоге мы три часа пили чай. Сначала – с конфетами. Потом, когда те закончились, – с блинчиками, которые я решила испечь (Игорь все бушевал под

дверью), затем, когда блинчики благополучно обжились у нас в желудках – мы пили чай с ноутбуком.

Бывший уже не бушевал. Он затих под дверью. Но я специально каждые пятнадцать минут проверяла: может ушел? Но нет, Игорь проявлял завидное упорство. Он меня так не осаждал, когда предложение делал, как сейчас мою дверь. Что еще раз подтверждало: Нику Белоус он любил меньше, чем ее жилплощадь, на которую так жаждал попасть. А еще эксфренд очень уважал деньги. Но это я и так знала: оставлять официанту на чай пятикопеечные монеты… Но тогда я на это внимания не обращала. Думала, мне просто попался экономный экземпляр.

Мастер, уже почти пустивший корни у меня на кухне, как-то прикипел душой и к ноуту с фильмом, и вазочке с вишневым вареньем, и нет-нет, да и косил на меня взглядом. Причем мужским таким взглядом. Оценивающим. А потом неожиданно спросил:

– А может, вам еще что-то нужно починить? Я тихо и по-быстрому. Зачем зря время терять?

Я, как раз собравшаяся в очередной «проверочный» рейд в прихожую, так и замерла. Да, таких предложений я еще не получала. Нет, ко мне подкатывали как – то с фразой «Какая прелесть! Это ваши ноги?» и «Вы не могли бы меня разбудить завтра звонком на сотовый телефон, а то я боюсь проспать», и даже в соцсети один оригинал решил начать знакомство с фразы: «Привет! Не знаешь, как варить пельмени?».

Подкатывать ко мне по – разному подкатывали, но ремонта еще никто не прилагал. На мое счастье терпение Игоря все же закончилось, и он отчалил. Когда я с радостью сообщила об этом загостившемуся мастеру, тот отчего-то опечалился, засобирался, но… двойную плату (за простой и работу, связанную с риском) все же взял. Жмот!

А я… глянула на часы и начала быстро собираться: до отлета самолета оставалось всего пару часов. Загранпаспорт у меня был, отпуск вроде-как дали… И обида на козла Игоря тоже имелась. Как и разумное опасение: не засел ли озверевший бывший где-нибудь у подъезда, в кустах?

Я вызвала такси, а когда машина подъехала, то буквально скатилась по лестнице, заскочила на заднее сидение едва ли не за секунду и тут же захлопнула дверь. Все! Поехали!

Зато в аэропорту, в зале ожидания, у меня было время подумать. Зря. Нельзя женщине думать. Особенно о предателях. От этого портится настроение, появляются морщины, течет тушь и набираются лишние килограммы.

Все же бабуля была права два года назад, когда лишь взглянув на Игоря, припечатала: любовник – неплохой, муж – никакой. Тогда, помнится, я обиделась. Но ба, побывавшая в ЗАГСе трижды и имевшая бессчетное множество поклонников, разбиралась в мужчинах преотлично. К слову, бабуля – это и была самая адекватная часть моей семьи. От остальных представителей семейства Белоус я откочевала в тринадцать лет.

Но, по-моему, ни мама, ни папа этого бегства даже и не заметили: он был увлечен фотографией и постоянно пропадал в экспедициях, она – в лаборатории и грантовских исследованиях… А еще с нами жила сестра отца, актриса сериалов, которая категорически запрещала называть ее тетей. Только Эммой. Она была вечно в погоне за красотой: сколько ее помню, дома я ее в человеческом облике ни разу не видела: то жуткая маска для лица или для волос, то патчи, то антицеллюлитное обертывание… А еще, когда отец возвращался из командировок, у нас постоянно были гости. Иногда допоздна. Иногда – скопом. Именно благодаря гостям я поняла, что на кухне хрущевки может уместиться до восемнадцати человек в нормальном и до двадцати пяти – в одухотворённом красивыми снимками состоянии.

Зато в семь лет я уже сносно жарила яичницу, в восемь – забирала младших из детского сада, в десять – оплачивала счета за коммуналку, а в тринадцать – я нечаянно оказалась у бабушки. Тогда с ней случился гипертонический криз. Отец был в очередной командировке, мама – в отчетах, а младшая как раз освоила варку макарон. В общем, я переехала на другой конец города к ба, чтобы помочь ей первое время после больницы. Думала – это на пару недель. Ну месяц-два. Оказалось… Оказалось, что насовсем.

Из воспоминаний, нахлынувших неожиданно, меня выдернул голос диспетчера:

– Объявляется посадка…

Это был мой рейс! Я встала, зажав в руке посадочный талон, и уже шла к выходу, когда с той стороны, где находились арки досмотра, донеслось:

– Ты! Ты здесь!

Я вздрогнула и напряглась, готовая в любой момент бежать и убеждая себя, что между нами зона таможенного контроля. Медленно обернулась.

Нет. Это просто кто-то встретил кого-то. Просто голос… Очень похожий. Я машинально сделала шаг, все еще глядя в сторону и… врезалась в чью-то широкую спину. От удара дыхание перехватило, нога подвернулась и я начала падать, вцепившись в первое, что попалось.

Увы, попался под руку карман на джинсах у белобрысого парня, в которого я как раз и врезалась. И джинсы поехали вниз…

И даже чуть – чуть показался белый трикотаж, обтягивавший упругую мужскую ягодицу, когда ее обладатель попытался повернуться. Не сказать, чтобы это у него хорошо получилось, но меня он все же увидел.

– Зачем вы лезете ко мне в штаны? – ошеломленно спросил он. И удивления в его голосе было даже больше, чем злости, как будто я не за карман его джинсов ухватилась, а уже стянула с него трусы и сейчас вообще повалю на пол и начну насил… требовать продолжения рода.

Но я же не нарочно! А этот… уставился на меня своими зеркальными солнцезащитными очками в пол – лица и думает всякую ерунду Нет, чтобы помочь встать бедной девушке, которая едва виском об плитку не припечаталась, – ну хорошо, не виском, а кое-чем помягче, но все равно!

– Ни к кому я не лезу, – буркнула я, по-прежнему болтаясь на злополучном кармане. – Просто равновесие потеряла.

– Обычно его теряют, падая, а не хватая всех подряд за зад, – парировал блондин.

– Да нужен мне ваш зад! – прокряхтела я, собирая разъехавшиеся ноги в кучу. – У вас же не ягодицы Девида Бэкхема, чтобы на них просто так кидаться…

Сосредоточившись, я попыталась встать, опираясь на злополучный карман. Ткань предательски затрещала и… он оторвался.

– Ой, – пискнула я. Получилось как – то неудобно.

Хотя в этой неловкой ситуации был один плюс: я не упала. Хотя бы на пол. Зато в глазах случайного незнакомца – очень даже. Оставалось утешаться тем, что моральные терзания – не гематомы. Посторонним в глаза не бросаются. А вот фингал под глазом…. Или разбитая губа…

Выпрямившись, я так и осталась стоять с оторванным карманом, хорошо еще на самих джинсах дыры не было. Блондин, сверкнув на меня своими черными очками, подтянул штаны, и злобно припечатал:

– Чокнутая.

А потом развернулся и пошел к терминалу. Я смотрела на удаляющуюся широкую спину. И мне было жутко стыдно. Очень. Мало того, что повела себя как дура, оторвала карман, так еще и нахамила совершенно случайно: а ведь зад у него, к слову, был ничуть не хуже, чем у знаменитого футболиста…

Я закусила щеку, приводя мысли в порядок, тряхнула головой, словно этот жест помог бы выкинуть оттуда лишнее, и решительно поспешила к телескопическому трапу.

Каково же было мое удивление, когда выяснилось, что в самолете мое место почти рядом с тем, кого я бы предпочла больше в своей жизни не встречать: парнем, буквально недавно лишившимся кармана.

Нас друг от друга отделял лишь старичок преклонного возраста. Надо ли говорить, что ни блондин, усевшийся у окна с таким выражением лица, словно впервые видит меня, ни я, разместившаяся в проходе, не обрадовались.

Когда самолет взлетел, я набралась храбрости, и, повернувшись к парню, решила извиниться:

– Мне очень жаль, что из-за меня оборвался ваш карман…

Ноль эмоций.

Я подумала, что блондин мог запросто не услышать: я же говорила негромко. Повторила погромче… А потом уже в полный голос. Тот же эффект. Уже хотела было махнуть рукой на извинения, когда старичок, через которого я слегка перегибалась, решил проявить инициативу и помочь. Вот только проблема состояла в том, что дедушка оказался тугим на ухо. Оттого на весь салон грянуло:

– Она говорит, что сожалеет, что из-за нее ты стал оборванцем!

Блондин вздрогнул, выпрямился, черные очки съехали с его носа, и я поняла, что он дремал. Стало очень – очень стыдно. Судя по всему, сегодня судьба решила мне от щедрот выдать годовой запас смущения. И ладно бы перед разными людьми…

– Что? – ошеломленно переспросил парень, поправляя очки, под которыми прятались зеленые сонные глаза.

– Она говорит, что сожалеет, что ты – голодранец, – услужливо проорал старик.

Блондин закашлялся.

– Я не это имела в виду! – горячо запротестовала я. – Я говорила, что мне очень…

Но старик, который подумал, что его уличили во вранье, решительно встал на защиту свой репутации, перебив меня:

– Именно это и говорила. Я сам слышал! А сейчас – отпирается… Совсем как моя жена…

Вот верно говорила бабуля: молчание – это путь к счастью. В моем случае – еще и к спокойствию. Но последнего явно не предвиделось.

Дедок, которому, видимо, было скучно, провел в своей голове какие-то одному ему ведомые параллели и пришел к определенным (и на мой взгляд слегка странным) выводам:

– Ребята, а вы часом не женаты? – он повернул голову сначала в одну, потом в другую сторону.

Наше синхронное с блондином «Нет!» было дедуле ответом. Но старичок будто уверился в обратном. А потом он начал рассказывать о своей жене. Очень громко. Наверное, чтоб и самому было слышно. Судя по всему, этим дедуля и планировал заняться оставшиеся двенадцать часов. Я содрогнулась, представив, что придется все это время выслушивать биографию сего почтенного джентльмена и… Оказалась права. При высадке с борта самолета помимо головной боли и дикой зависти к блондину (он за своими черными очками умудрился не только уснуть, но и даже посапывал в нужных местах, являясь отличным собеседником для разливавшегося соловьем старичка) я вынесла важное для себя решение: я замуж не хочу! Во всяком случае, ближайшие пару лет – так точно: столь неизгладимое впечатление на меня произвел рассказ попутчика.

Покинув самолет и «любимых соседей» я тут же вляпалась в контроль и пограничный досмотр. Впрочем, как и все остальные, только с той лишь разницей, что оказалась в конце очереди.

Контроль оказался муторным, я проходила одной из последних.

А едва его одолела, то пошла отлавливать свой багаж, от души надеясь, что его еще никто не отловил. Хотя я сильно сомневалась, что на спортивную сумку будут желающие позариться. Собиралась я в спешке, к тому же предпочитала ездить «налегке», так что все необходимое уместилось в черную сумку, на которую было накручено столько пленки, что она стала серой.

Лента, по которой двигался багаж, была уже остановлена. А оставшиеся сумки – всего семь штук – оказались сняты и выставлены рядком. Я цапнула свою – единственный серопленочный бобик, даже не проверив ярлычок, и с чистой

совестью поспешила к встречающему гиду. То, как ждала заселения, то, как заполняла анкету, я помнила плохо. Зато хорошо запомнилось лицо гида, светящееся беспощадной улыбкой, как обогащенный уран бета – частицами.

С легкой руки Сони я стала обладательницей фитнес-тура. Причем, когда мы выбирали, куда меня отправить, я очень хотела именно новых впечатлений, а новоиспеченная подруга по сомнительному счастью с кодовым именем «Игорь – козел» настаивала на совершенствовании тела. В итоге вышел этот фитнес-тур с зарядками, персональным инструктором, сбалансированным питанием и кучей всего.

Едва я все заполнила, как мне тут же сообщили, что через два часа всех «фитнесанувщихся» ждут для занятий на открытом воздухе в йога – центре. Я покивала, соглашаясь, хотя меня больше интересовал вопрос не пищи духовной, а вполне телесной: когда будут кормить. Впрочем, как оказалось, не одну меня.

Выяснив оный вопрос, я отправилась к себе в номер. Зашла, упала на кровать и… сразу же начала заниматься этой самой йогой: а точнее, активно пребывать в асане, именовавшейся «Поза трупа». Оная же еще называется «дедушка Ленин в Мавзолее». Я была счастлива. Но ровно до того момента, пока не встала и не полезла в сумку. Вещи оказались не мои. Совершенно. Нет, я оценила симпатичные мужские боксеры из белого трикотажа, шорты и шлепанцы…. Одно «но»: как мне в этом было отдыхать?

Я судорожно перерыла всю сумку: на пол выпали сланцы, черная записная книжка, рубашка гавайской расцветки… Я искала хотя бы намек на то, кто хозяин вещей и как мне его найти. И желательно это сделать до тут, в отеле, а не в аэропорту, перед вылетом на Родину. Тут же представила себе картину встречи у таможенного контроля. Я, в мужских шортах и футболке, которая мне была велика и мала одновременно (в груди я явно была больше, чем хозяин вещей, а вот в росте – увы). И он, неизвестный, в моем коротеньком красном вечернем платье и на каблуках. Мы сразу узнаем друг друга. Это факт.

Звук телефона застал меня врасплох. Я подскочила, запнулась о вываленные на пол вещи и, падая, броском спецназовца накрыла грудью свою родную сумочку (какое счастье, что она была в ручной клади, а не в перепутанном напрочь багаже!), в которой продолжал вибрировать смартфон.

Встала на четвереньки. Достала свой агрегат национальности «самунг». Номер был незнакомый. Российский. Помянув недобрым словом роуминг, который вроде бы и подключила, но все же…

– Добрый день, – бархатистый голос в трубке говорил, но как…

Нет, определенно такой голос бывает у профессиональных соблазнителей и у ушлых дельцов, так и норовящих всучить бедным чувствительным девушкам кредит под грабительский процент. В общем, такой баритон мог быть только у разводилы.

– Здравствуйте, – настороженно ответила я, старательно искоренявшая в себе привычку «дакать».

С этими банковскими распознавателями голоса лишний раз соглашаться я, периодически страдающая паранойей «деньгискартыснимут», опасалась.

– Скажите, вы сегодня случайно не взяли чужой багаж в аэропорту? – не стал ходить вокруг да около незнакомец.

– Не случайно, а вынужденно. Это вы взяли мой. А я уже тот, что остался, – отрезала я.

Хоть я все еще и стояла на карачках, но была неумолима в свой логике.

Собеседник на миг замялся, словно хотел сказать что-то не очень лестное, но в последний момент решил проглотить.

– Может быть, мы сможем увидеться и обменяться сумками?

Наконец – то я услышала дельное предложение.

– Хорошо. Сможете подъехать к отелю… – я назвала адрес.

– Конечно, – раздалось уже не столь бархатисто, зато по – деловому. Дальше переговоры прошли очень быстро.

В трубке послышались гудки. А для меня так и осталось загадкой, как этот хозяин белых боксеров меня так быстро нашел?

Впрочем, раздумывать над этой загадкой времени не почти оставалось, и это «почти» я потратила с пользой: помылась. А в назначенный час я с чужим багажом и чуть влажными распущенными волосами, перекинутыми через плечо, стояла в холле.

Мужик не шел. В смысле, проходили всякие разные, но все – мимо.

Я уже начала злиться. В конце концов, это деловая встреча, а не свидание. И даже на рандеву обычно опаздывает дама, а никак не …

– Простите, это не с вами мы перепутали сумки? – за моей спиной раздался знакомый по телефонному разговору голос, но едва я повернулась, как он сменился уже знакомой по аэропорту физиономией: – Ты!?

Я во все глаза смотрела на похитителя моей сумки. А то, что он именно намеренно ее спер, я нисколько не сомневалась! В отместку за карман. Правда, почему при этом свою оставил – неясно. Наверное, просто не успел за ней вернуться.

Сейчас он был без очков, с волосами, собранными в короткий хвост. Высокий. Настолько, что я при своем немаленьком росте была ниже его на полголовы.

Я машинально задвинула сумку, которую держала в руке, за спину.

– Могу сказать то же самое, – прошипела я.

– Слушай, мне жаль, что я взял твою сумку, – спустя долгую минуту напряженной тишины выдал блондин.

У меня аж глаз дернулся от того, как интонация может дисгармонировать со смыслом.

Он говорил это с такой неохотой, словно перед тем, как произнести в общем-то простую фразу, долго боролся с собой. Могу поспорить, что с большим

удовольствием он бы выдал что-то вроде «глаза бы мои тебя не видели» или «почему ОПЯТЬ именно ЭТА идиотка?». Ну или что-то в этом же духе.

Впрочем, я не осталась в долгу, и оскалившись в тридцать два зуба фирменной улыбкой Цербера произнесла:

– А уж мне-то как жаль…

То ли моя лучащаяся мина произвела неизгладимый эффект, то ли просто блондин столь сильно жаждал воссоединиться со своими белыми боксерами, но мою сумку он мгновенно протянул вперед.

– Держи, это твоя.

При этом у него была такая каменная морда лица, будто он не мои шорты – сланцы обменивал, а кило героина.

– Надеюсь, все мои вещи целы?

– Даже не сомневайся, – процедил блондин, видимо сам не заметив, как перешел на «ты».

Я тут же всучила в протянутую руку его сумку и уже было собралась развернуться, чтобы уйти, как этот несносный тип буркнул:

– Подожди, я проверю…

Есть состояние, когда ты хочешь взорваться. Есть – когда чувствуешь жуткую потребность заорать. Иногда хочется побиться головой о стену или клавиатуру. Но вот сейчас, в этот конкретный момент, я испытывала просто жизненно необходимую потребность придушить одного патлатого придурка. Меня еще никто так быстро не доводил до бешенства.

А этот… псих, словно и не подозревая ни о чем, присел на корточки, расстегнул сумку и стал копошиться в вещах с энтузиазмом кладоискателя.

Конечно, я и не подумала дожидаться, когда он пересчитает все залежи собственных подштанников. Развернулась и даже успела гордо сделать два шага, когда меня догнал оклик:

– Его тут нет, – а потом мне в спину раздался звонкий щелчок пальцами, призванный привлечь мое внимание, и чуть громче – Эй! Куда подевался мой ежедневник?

Все! Этот щелчок, словно я была прислугой, оказался последней каплей. Я развернулась на пятках. Подошла. Бухнула свою сумку рядом с ногой патлатого и, присев так, что наши лица оказались на одном уровне, резко щелкнула пальцами перед его носом. Вышло, правда, не так звонко, зато зло – уж точно.

– Так! Послушай сюда, мой недорогой и нехороший, – я тоже не стала «выкать». Ни обстановка, ни поза, ни мое состояние к этому не располагали. – Я не «эй», не «ты» и не «сбегай принеси». Я – Ника. А для тебя – Вероника Владимировна. Можно еще уважаемая, и достопочтенная. Это, во – первых, – я выдохнула, а потом милейшим голосом, из категории «можно в чай класть вместо сахара», добавила: – А во – вторых, я ничего у тебя из сумки не брала. Мне чужое без надобности. А если ты меня на деньги развести хочешь – не на ту напал. Я сейчас тоже могу заявить, что у меня в сумке миллион был. Будешь возвращать?

И улыбнулась. Очаровательно так.

Мою тираду блондин выслушал молча. Даже не шарахнулся от щелчков у себя под носом. Правда его глаза… Если в первые секунды нашей встречи они показались мне зелеными, то сейчас потемнели до темно – оливковых. А еще в них было столько обещания… обещания убить меня самым зверским способом, что мне стало не по себе.

– Хор-р-рошо, Вероника Владимировна, повторю еще раз. Где. Мой. Ежедневник? – со сдерживаемой яростью прорычал этот псих. Чеканя каждое слово. Видимо, чтоб лучше дошло.

Мой взгляд непроизвольно упал на сжатую в кулак руку блондина: костяшки на ней побелели.

Я сглотнула и уже не столь уверенно произнесла:

– Да не знаю я, где твой ежеднев…

Я не договорила. Потому что память услужливо подкинула мне воспоминание, как я копошусь в сумке, еще не веря, что багаж не мой… и на пол грохается что-то тяжелое.

Я тогда сидела рядом с кроватью, под которую вполне мог залететь этот чертов ежедневник.

– Что? – не выдержал-таки блондин, цепко наблюдая за моими мысленными потугами.

– Кажется, он выпал… – растерянно призналась я. – И сейчас валяется под моей кроватью.

Я резко вскочила:

– Сейчас принесу…

И собралась было рвануть к себе, как этот невозможный тип схватил меня за руку.

– Я с тобой, – тоном «я тебе ни капли не доверяю» протянул он.

Я дернула руку на себя, пытаясь освободиться, и краем глаза заметила, что кое-кто за нами наблюдает, а мне на выручку уже спешит работник отеля.

– Мисс, к вам пристают? Что здесь происходит? – на ломаном английском обратился ко мне низкорослый уроженец здешних земель.

К слову, блюститель порядка не фигурально, а вполне реально был блондину по плечо. А мне – по подбородок. Интересно, в случае опасности кто кого и от кого спасал бы? Сдается, что я балийца, а не он меня. Но за храбрость я его зауважала.

– Все в порядке… – я замялась, подбирая оправдание. И в голову не пришло ничего лучше, чем ляпнуть: – Это мой брат.

С учетом того, что я была темноволосой, а он щеголял золотистой шевелюрой, как у Криса Хемсворта, то мое заявление было весьма сомнительным. Понятия не имею, почему я не сказала, что это просто мой знакомый!

Блондин, зло зыркнув на меня, тут же уточнил:

– Сводный. У нас отцы разные.

Причем сделал это на летящем английском, будто был исконным уроженцем Англии. Мне даже почудился легкий Уэльский акцент. Хотя… может, он просто мелодично говорил, а на самом деле это был безобразный Йоркширкский диалект…

– И матери тоже, – тихо буркнула я уже на русском. Так, из чувства противоречия.

Но, судя по улыбающемуся балийцу, ему было достаточно и того, что к постоялице не пристают, значит, что все в порядке.

А блондин, так и не выпустив моей руки, произнес на ультразвуке:

– Ну, сес – трен – ка, верни мне мой ежедневник, и я обещаю, что забуду о тебе, как о страшном сне.

И потащил меня к лифту. Ну как потащил. Попытался. Но я – не мешок картошки, так просто с места не сдвинешь. К тому же и вешу я чуть побольше. В кои-то веки мои килограммы пошли мне в плюс.

– Ты пойдешь? – на меня сверкнули злыми глазами и угрожающе уточнили: – Или мне тебя унести?

– Не поднимешь, – припечатала я и злорадно добавила: – надорвешься.

Меня смерили взглядом, будто бы мысленно взвешивая. А потом раздалось насмешливое:

– Проверим?

Мне как-то враз безо всяких проверок стало ясно: этот и поднимет, и утащит…

Я сцепила зубы и фыркнула:

– Обойдешься. Руку отпусти.

Блондин и вправду пальцы разжал. Я подхватила с пола свою сумку, он – свою, и мы оба молча с абсолютно независимым видом пошли к лифтам, мимо которых с воплями пронеслись двое разбойного вида пацанов, снеся какую – то табличку.

Одна из кабин, полная народу, закрылась прямо перед нашим носом. Вторая – с подозрительным скрежетом распахнула свои двери через спустя полминуты.

Мы вошли. Створки закрылись, и кабинка медленно поползла вверх. Свет мигнул. И в абсолютной тишине раздалось:

– М-да, если сейчас застрянем – это будет просто изумительно…

Я лишь из чувства противоречия возразила:

– С таким настроем надо дома сидеть!

Правда, мой голос слегка подрагивал, но это вовсе не из-за того, что я боялась блондина. Хотя нет, его я тоже слегка опасалась. А вот по-настоящему я паниковала, когда попадала в узкое закрытое помещение. Это еще была не клаустрофобия в чистом виде, но… А свет как бы намекал, что скоро тут может стать и вовсе темно.

– Слушай, невозможная женщина. Ты хотя бы иногда можешь говорить то, что окружающих не так бесит?

– Слушай, невозможный мужчина, а ты не можешь не выводить меня из себя? – я в запале шагнула чуть вперед, не учтя, что движущийся лифт – коварная штука, способная изменять многое: от ощущения веса, до расстояния. Мой нос уперся в небритый мужской подбородок. А грудь… грудь тоже уперлась во что-то твердое.

Едва уловимый запах имбиря и кедра защекотал ноздри.

– Ты опять ко мне пристаешь?

Мне показалось, или в голосе прозвучала издёвка?

Я поспешно отступила назад.

– Да не приставала я к тебе. И в аэропорту случайно за твой за… – я осеклась и в последний момент исправилась: – …за джинсы ухватилась, чтобы не упасть. Сказала же!

Но блондин, язва, вцепился в оговорку, как голодный пес в кость:

– Так, значит, случайно… А если бы это были ягодицы… прости, джинсы Бекхема, то сделала бы это нарочно?

И голос у подлеца такой невинный – невинный, что мне аж придушить его захотелось.

– Говоришь таким ревнивым тоном, как будто тебя толпы поклонниц каждый день только и делают, что хватают, – фыркнула я. – А тут осечка – зад Бекхема предпочли.

И с чего вдруг от моего вопроса, полного сарказма, этот мистер непрошибаемая мина вдруг закашлялся, словно поперхнулся?

Но тут лифт наконец – то дополз до нужного этажа. Створки распахнулись, и я вылетела в коридор, словно пробка из бутылки шампанского, и устремилась к номеру. Следом за мной уверенно шагал блондин, будь он неладен.

Едва я оказалась в комнате, бухнула сумку на пол и, подойдя к кровати, нагнулась, стремясь поскорее найти этот гадский ежедневник. В смысле, ежедневник, принадлежащий одному гаду. В этот момент я совершенно не думала, как выгляжу со стороны. А зря.

Лишь по мужскому хмыканью я поняла, какая картина открылась взору этого белобрысого: моя обтянутая джинсовыми шортами попа, которая энергично виляла, пока ее хозяйка пыталась втиснуться в пространство между постелью и полом.

– Если ты решила таким оригинальным способом удрать от меня, спрятавшись под кровать, то спешу разочаровать: у тебя это пока не очень получается, – это было сказано столь серьезным тоном, что не оставалось ни малейшей надежды на сомнение: этот тип надо мной издевался.

– Еще одно слово, и сам будешь доставать свои каракули отсюда, – пропыхтела я.

За то недолгое время, что шуровала внизу, я поняла несколько вещей.

Во-первых, киношники нагло врут: любовника под кроватью можно спрятать, если он – Дэниэл Редклиф. Да и то не теперешний, в сто шестьдесят пять сантиметров ростом, а девятилетний, который получил письмо из Хогвартса. Вот его можно было запихнуть в пространство между кроватью и полом. Но никак не меня.

Во-вторых, тест на лучший отель мой номер безбожно завалил. Хотя бы потому, что я методом «хватай и тягай» стала обладательницей комка пыли, фантика от конфеты и презерватива. Хотя с последним повезло – он оказался в упаковке.

– Ну? – раздалось нетерпеливое сверху.

Я, потерпевшая сокрушительное поражение, вылезла и, стряхнув с груди пыль, произнесла:

– Ника Белоус не рекомендует вам этот отель для отдыха.

– В смысле? – не понял блондин. – А мой ежедневник где?

– Там, – я широким жестом указала под кровать, слегка позабыв, что в руке у меня злополучные фантик и квадратный конвертик из фольги. С учетом того, что ныне ладонь была раскрыта, эти два предмета гордо возлежали на ней.

Я, стиснула в руке компромат, который мне наглым образом подбросили, и тут же отбросила его в сторону…

Надменный взгляд смерил меня, пыльную, с ног до головы, потом устремился к подкроватному пространству.

– Отойди, – явно сдерживаясь, процедил мой нежеланный гость.

Я отползла в сторону. А потом с минуту любовалась, как мужская крепкая задница то чуть приподнимается от пола, то словно пытается врасти в него. Увы, эти действия не способствовали просачиванию ее хозяина под кровать. Мда, не компактный блондин, не компактный. В чемодан его не положишь, под кровать, как выяснилось, тоже не втиснешь. Хотя он очень старался. Даже какие-то заклинания бубнил, заканчивающиеся на «уй». Но видимо, магом он был тоже никудышным: ни одно не сработало.

Он вылез из-под кровати таким же пыльным. Правда, в отличие от меня – без добычи. Зато, посветив фонариком от телефона убедился: его бесценный ежедневник притаился под коварным белоснежным ложем.

– У тебя швабра есть? – азартно спросил он.

Вопрос бы был весьма актуален для добычи ценных бумажных ископаемых из-под постели, если бы не одно но…

– В гостиничном номере? – в лучших еврейских традициях вопросом на вопрос ответила я.

– Не подумал… – блондин, как и я прислонился к краю кровати. Выдохнул. – У нас есть два варианта. – наконец выдал он. – Первый. Позвонить на ресепшен и попросить что-то из …

Я представила, как буду объяснять, зачем мне посреди ночи понадобилась швабра, и тут же перебила блондина:

– А второй?

– Второй – я приподнимаю кровать, и…

Ага, и роняет ее на меня. И весь остаток отдыха я занимаюсь фитнесом под кроватью. Пока не похудею и не вылезу из-под нее сама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/nadezhda-mamaeva/dietu-ne-predlagat

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити